

Е. С. КУБРЯКОВА

ДЕРИВАЦИЯ, ТРАНСПОЗИЦИЯ, КОНВЕРСИЯ

Еще Ш. Балли отметил ту огромную роль, которую играет транспозиция — перевод знака из одной категории в другую — в функционировании языка. «Замкнутые в своих категориях, знаки — утверждал он, — служили бы весьма ограниченным источником средств для удовлетворения многочисленных потребностей речи. Но благодаря межкатегорийным заменам мысль освобождается, а выражение обогащается и получает различные оттенки»¹. Важную роль играет транспозиция и в словообразовании. Ее наличие или, напротив, отсутствие в актах словообразования побудило Е. Куриловича ввести разграничение деривации лексической и деривации синтаксической². Виднейший специалист по теории словообразования Г. Марчанд включил понятие транспозиции в определение словообразования: о деривациях можно говорить лишь тогда, — подчеркнул он, — когда слово меняет свою классную принадлежность (ср. англ. *clean* «чистый» и *to clean* «чистить») или же свою принадлежность к определенному лексическому разряду слов (ср. англ. *professor* «профессор» — *professorship* «профессура»)³.

Наиболее известной формой транспозиции на уровне слова является суффиксальное словопроизводство. Транспозиция, однако, существует и при других разновидностях словообразования. В настоящей статье мы рассмотрим некоторые аспекты транспозиции, происходящей при так называемом безаффиксальном словообразовании. Вместе с тем мы хотим уточнить сущность этого способа деривации.

Мы называем деривацией процесс образования или результат образования в языке любого вторичного знака, т. е. знака, который может быть объяснен с помощью единицы, принятой за исходную, или выведен из нее путем применения определенных правил. Принцип деривации и складывающиеся в процессе деривации единицы отношения производности между ними имеют основополагающее значение для понимания строения и функционирования всей системы языка. Важные для уяснения механизма анализа и синтеза речи⁴, они, по-видимому, столь же важны и для характеристики некоторых частных подсистем языка — синтаксиса, морфологии, словообразования. Словообразование, например, можно рассматривать как определенный тип деривации со следующими специфическими чертами: это такой процесс образования вторичных знаков, при котором вторичный знак создается непосредственно в целях номинации и при котором он ограничен пределами слова. Производное

¹ Ш. Балли, Общая лингвистика и вопросы французского языка, М., 1955, стр. 143.

² Е. Курилович, Деривация лексическая и деривация синтаксическая, в кн.: Е. Курилович, Очерки по лингвистике, М., 1962.

³ См.: Н. Марчанд, Expansion, transposition and derivation, «La linguistique», 1967, 1, стр. 17.

⁴ Ср., например: С. Д. Кацнельсон, Порождающая грамматика и принцип деривации, «Проблемы языкознания», М., 1967, стр. 23.

всегда связано с исходным знаком отношениями мотивации, повторяющимися в целой серии случаев — словообразовательном ряду — и складывающимися благодаря применению одного и того же формального средства.

Вообще говоря, русский язык позволяет разграничить термины «деривация» (порождение любых вторичных знаков независимо от конкретных целей порождения и сложности образуемых знаков) и «словообразование» (порождение однословных мотивированных наименований). В настоящей статье, однако, следуя более принятому употреблению, мы используем эти термины как синонимичные и под деривацией имеем в виду исключительно процессы деривации словообразовательного характера. Наша цель — показать пути синхронного конструирования производных наименований, происходящего при транспозиции и не вовлекающего в этот процесс никаких специальных словообразовательных средств. В современном языкознании процессы деривации, протекающие без осложнения основы мотивирующего слова словообразовательным суффиксом, получают разные обозначения (ср. термины «безаффиксальное словообразование», «нулевое словообразование», «конверсия» и др.) и трактуются не тождественно. Так, в русистике продолжают спорить о том, какие типы отношений связывают слова *золото* — *золотой*, *синий* — *синь*, *обед* — *обедать* и т. п.⁵, нередко описывая эти случаи под разными названиями. В англистике большинство лингвистов рассматривало отношения между словами типа *milk* «молоко» и *to milk* «доить» как конверсию, но Г. Марчанд предложил сравнительно недавно пересмотреть эту концепцию, называя конверсией исключительно употребление слова в неисконной для него синтаксической функции. Отношения указанного типа он считает результатом словообразования с помощью нулевой морфемы⁶. Против этой трактовки применительно к славянским языкам убедительно выступил М. Докулил⁷. О природе транспозиции и ее словообразовательных последствиях спорили и на материале других языков⁸. Впрочем, исчерпывающего описания явлений этого рода, насколько нам известно, предложено до сих пор не было. Не было и попытки рассмотреть материал разных языков под единым углом зрения. Не приходится, однако, сомневаться в том, что именно сравнение разных языков, выполненное с определенной целью, приводит к интересным результатам. Такой целью мы считали изучение морфологического окружения у производной и производящей основ.

⁵ Ср., например: В. В. Лопатин, Нулевая аффиксация в системе русского словообразования, ВЯ, 1966, 1; Р. И. Лихтман, Существует ли безаффиксный способ словообразования в русском языке?, ВЯ, 1968, 2; И. А. Мельчук, Словообразование и конверсия, «Предварительные публикации проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике Ин-та русского языка АН СССР», 30, М., 1972.

⁶ Ср.: H. Marchand, Die Ableitung desubstantivischer Verben mit Nullmorphem im Französischen und die entsprechenden Verhältnisse im Englischen und Deutschen, «Zeitschrift für französische Sprache und Literatur», 73, 1963; e g o ж е, Die Ableitung desubstantivischer Verben mit Nullmorphem im Englischen, Französischen und Deutschen, «Die Neueren Sprachen», 3, 1964.

⁷ См.: M. Dokulil, Zur Frage der sog. Nullableitung, «Festschrift H. Marchand», The Hague, 1968; e g o ж е, Zur Frage der Konversion und verwandter Wortbildungsvorgänge und -beziehungen, TLP, 3, 1968.

⁸ Точнее, освещению подвергались проблемы конверсии. Ср. работы П. А. Соболевой, А. А. Уфимевой, И. П. Ивановой и др., относящиеся к английскому языку, работы М. Д. Степановой и В. Флейшера, относящиеся к немецкому языку, ср. также: В. Г. Гак, О глагольно-именной конверсии во французском языке, «Уч. зап. [Ин-та Международных отношений]», 7, М., 1961; Н. Д. Арутюнов, Обратное словообразование и вопросы несобственной деривации (на материале испанского языка), ВЯ, 1960, 2, и др.

Как показал материал, подобные однокорневые основы могут выступать в следующих четырех типах морфологического окружения:

I — и в мотивирующем, и в мотивированном словах за основой следует какой-либо морфологический показатель (морфологическим показателем считается любая словоизменятельная или формообразующая морфема); оба члена словообразовательной корреляции характеризуются в таком случае структурами «основа + морфологический показатель» (модель типа русск. *золот-о* → *золот-ой*).

II — в мотивирующем слове основа выступает в окружении материально выраженного морфологического показателя, в мотивированном — в окружении нулевой морфемы (модель типа русск. *нагрет-а-ть* → *нагрет*).

III — в мотивирующем слове основа выступает в окружении нулевой морфемы, т. е. характеризуется структурой, тождественной чистой основе, в мотивированном — в окружении выраженного морфологического показателя (модель типа русск. *обед* → *обед-а-ть*).

IV — и в мотивирующем, и в мотивированном словах за основой следует нулевая морфема, т. е. оба члена словообразовательной корреляции характеризуются структурами, совпадающими с чистой основой (модель типа англ. *sail* «парус» → *to sail* «идти под парусом»).

Как следует из этого описания, разные типы словообразовательных корреляций существуют постольку, поскольку оба члена могут содержать основы, оформленные материально выраженными морфологическими показателями, или же, напротив, оформленные нулевыми морфемами; разные типы корреляций существуют и в зависимости от того, какой из членов корреляции (левый или правый) содержит материально выраженный морфологический показатель, а какой — нулевую морфему.

Если в описанных корреляциях материально совпадающие основы обозначить буквой *Л* (лексема), нулевые морфемы с разными значениями как $\emptyset_1$, $\emptyset_2$ и т. д., а любые материально выраженные морфологические показатели как M_1 и M_2 , четыре выделенных структурных типа реализации безаффиксальных словообразовательных отношений можно описать с помощью четырех простых формул:

$$\begin{aligned} \text{I} - Л + M_1 &\rightarrow Л + M_2 \\ \text{II} - Л + M &\rightarrow Л + \emptyset \\ \text{III} - Л + \emptyset &\rightarrow Л + M \\ \text{IV} - Л + \emptyset_1 &\rightarrow Л + \emptyset_2 \end{aligned}$$

Из приведенных формул ясно следует, что со структурной точки зрения словообразовательные отношения характеризуются здесь не чем иным, как сменой морфологического окружения у материально совпадающих основ в назывных формах слова. Посмотрим, с какими смысловыми сдвигами связано изменение морфологического окружения основ в каждом типе корреляций и в каких языках эти корреляции представлены.

Связи слов по первому типу ($Л + M_1 \rightarrow Л + M_2$) наблюдаются в тех флективных языках, где основные части речи, принимающие участие в словообразовании (существительное, прилагательное и глагол), содержат в своих назывных формах обязательные ненулевые морфологические показатели. При транспозиции по этому типу чаще всего наблюдается переход из одной части речи в другую, причем словообразовательными отношениями связываются разные части речи: а) прилагательные и глаголы; ср. русск. *бел-ый* → *бел-е-ть*, *бел-и-ть*, *стар-ый* → *стар-е-ть*, *стар-и-ть*; исл. *blakk-ur* «темный» → *blakk-a* «синить», *bag-ur* «трудный» → *bag-a* «затруднять», *sval-ur* «прохладный» → *sval-a* «охлаждать», *fræg-ur* «зна-

менитель» → *fræg-j-a* «прославлять»; б) прилагательные и существительные: ср. русск. *зло-ой* → *зло*, *добр-ый* → *добр-о*; исл. *hvit-ur* «белый» → *hvit-a* «белизна», *sink-ur* «скупой» → *sink-a* «скупость», *bag-ur* «трудный» → *bag-i* «трудность»; в) глаголы и существительные: ср. русск. *рев-е-ть* → *рѣв-а*, *заик-а-ть-ся* → *заик-а*, *вер-у-ть* → *вер-а*, *дел-а-ть* → *дел-о*; исл. *seyð-a* «отваривать» → *seyð-i* «отвар», *skað-a* «вредить» → *skað-i* «вред»; швед. *skrik-a* «кричать» → *skrik-a* «сойка», буквально «крикуша», *bräck-a* «ломать» → *bräck-a* «трещина», *gömma* «прятать» → *gömm-a* «тайник»; г) существительные и глаголы: ср. русск. *пил-а* → *пил-у-ть*, *кос-а* → *кос-у-ть*, *граф-а* → *граф-у-ть*; исл. *fisk-ur* «рыба» → *fisk-a* «ловить рыбу», *sím-i* «телефон» → *sím-a* «звонить по телефону», *flokk-ur* «группа» → *flokk-a* «группировать»; д) существительные и прилагательные: ср. русск. *золот-о* → *золот-ой*, *свин-я* → *свин-ой*.

В более редких случаях категориальный сдвиг осуществляется в пределах одной части речи, существительного, заключаясь в изменении родовой характеристики слова. Это так называемая мутация, ср. исл. *vin-ur* «друг» → *vin-a* «подруга», *fostr-i* «приемный отец или сын» → *fostr-a* «приемная мать или дочь», гот. *arb-ja* «наследник» → *arb-jō* «наследница», *ga-razn-a* «сосед» → *ga-razn-ō* «соседка», *frijond-s* «друг» → *frijond-i* «подруга».

Корреляции мотивирующего и мотивированного слов по второму типу ($L + M \rightarrow L + \emptyset$) также наблюдаются в языках флективного строя, где одни из основных частей речи требуют в назывных формах обязательного наличия ненулевого морфологического показателя, а другие (или отдельные разряды других) реализуются в соответствии с грамматическими нормами данного языка морфологическими структурами с нулевыми показателями. Транспозицией по этому типу связываются чаще всего глаголы и существительные: ср. русск. *бег-а-ть* → *бег*, *вывоз-у-ть* → *вывоз*, *нагрев-а-ть* → *нагрев*; нем. *lauf-en* «бегать» → *Lauf* «бег», *fall-en* «падать» → *Fall* «падение», *ruf-en* «звать» → *Ruf* «зов», исл. *fall-a* «падать» → *fall* «падение», *kall-a* «звать» → *kall* «зов», *stig-a* «шагать» → *stig* «шаг», швед. *smäll-a* «шлепнуть» → *smäll* «шлепок», *träff-a* «попадать» → *träff* «попадание», *kast-a* «бросать» → *kast* «бросок»; франц. *arriv-er* «прибывать» → *arrivé* «прибытие», *blâm-er* «порицать» → *blâme* «порицание» и пр.

В русском языке этот тип представлен и в корреляциях прилагательного и существительного: *син-ий* → *синь*. Ср. также межкатегориальные отношения внутри существительного типа *биолог-ия* → *биолог*, *астроном-ия* → *астроном*.

Корреляции, построенные по третьему типу — $L + \emptyset \rightarrow L + M$, — встречаются в тех флективных языках, где какие-либо из основных частей речи лишены в своих назывных формах специального морфологического показателя, но где им противостоят разряды слов, оформленные ненулевыми морфемами. Так, в немецком, французском и шведском языках, где прилагательные в им. падеже ед. числа муж. рода не требуют особой флексии, указанным типом словообразовательных отношений часто связываются прилагательные и глаголы; последние, напротив, содержат, как правило, в инфинитиве специальное окончание. В русском языке, где чистой основой может быть представлена форма им. падежа ед. числа существительных муж. рода, подобные отношения устанавливаются между существительными и глаголами: *штурвал* → *штурвал-у-ть*, *хам* → *хам-у-ть*; ср. также *ох-а-ть*, *бух-а-ть*, *хлоп-а-ть* и пр.

Транспозицией по данному типу связываются друг с другом все основные части речи: а) прилагательные и глаголы — ср. нем. *kalt* «холодный» → *kalt-en* «холодеть, остывать», *grau* «серый» → *grau-en* «сереть»;

франц. *lisse* «гладкий» → *liss-er* «полировать», *blanche* «белая» → *blanch-ir* «становиться бледным»; исл. *jafn* «равный» → *jafn-a* «выравнивать», *skyr* «ясный» → *skyr-a* «разъяснять»; швед. *trött* «усталый» → *trött-a* «утомлять», *tät* «густой» → *tät-a* «сгущать», *lös* «свободный» → *lös-a* «освобождать»; б) существительные и глаголы — ср. нем. *Öl* «масло» → *öl-en* «пропитывать маслом», *Land* «земля» → *land-en* «приземляться», *Blut* «кровь» → *blut-en* «кровоточить»; швед. *bomb* «бомба» → *bomb-a* «бомбить», *film* «фильм» → *film-a* «снимать фильм», *salt* «соль» → *salt-a* «солить»; русск. *ужин* → *ужин-a-ть*, *лист* → *лист-a-ть*; исл. *sekt* «штраф» → *sekt-a* «штрафовать», *flagg* «флаг» → *flagg-a* «поднимать флаг», *fifl* «дурак» → *fifl-a* «дурачить», франц. *vagabond* «бродяга» → *vagabond-er* «бродяжничать», *colle* «клей» → *coll-er* «клеить», *pelot* «клубок» → *pelot-er* «наматывать в клубок»; в) существительные и прилагательные — ср. исл. *salt* «соль» → *salt-ur* «соленый», *verð* «цена» → *verð-ur* «ценный»; г) прилагательные и существительные — ср. исл. *sykn* «невиновный, невинный» → *sykn-a* «невиновность; невинность»; *jafn* «равный» → *jafn-i* «рównья», швед. *besk* «горький» → *besk-a* «горечь».

В русском языке структурные отношения описываемого типа наблюдаются в родовых корреляциях, в пределах существительного — ср. *раб* — *раб-a*, *супруг* — *супруг-a*, *Иванов* — *Иванов-a*, *Александр* — *Александр-a*, *Валентин* — *Валентин-a*.

В словообразовательных корреляциях четвертого типа ($L + \theta_1 \rightarrow L + \theta_2$) назывная форма мотивирующего слова полностью совпадает с назывной формой слова мотивированного. Этот тип отношений широко представлен в английском языке и составляет отличительную черту его строения. Интересно, что в зависимости от направления отношений словообразовательной производности, которое иногда очень трудно установить (ср. работы П. А. Соболевой и Г. Марчанда), здесь могут встречаться как отглагольные существительные, так и отыменные глаголы с тождественными формальными структурами, ср. *to work* «работать» → *work* «работа», *to jump* «прыгать» → *a jump* «прыжок», *to play* «играть» → *a play* «игра», с одной стороны, и *cradle* «колыбель» → *to cradle* «помещать в колыбель», *silver* «серебро» → *to silver* «покрывать серебром», *a sail* «парус» → *to sail* «идти под парусами», с другой.

Вопреки распространенному мнению о том, что конверсия может наблюдаться как следствие распада флексий и как результат существования большого количества форм с нулевыми морфемами, полное совпадение назывных форм производящего и производного слов может являться результатом омонимии служебных морфем. Ср. исл.: *drif-a* «метель», «снегопад» → *drif-a* «идти (о снеге)»; *drull-a* «грязь» → *drull-a* «пачкать», «грязнить»; *still-a* «успокаивать» → *still-a* «затишье», *saum-a* «шить» → *saum-a* «шпите», *skil-a* «возвращать» → *skil-a* «возвращение» (I тип структуры).

Приведенный материал разных языков позволяет, по всей видимости, утверждать, что существование тех или иных типов структурной реализации безаффиксальных словообразовательных отношений есть прямое следствие специфики морфологического строя изучаемых языков. Зависимости, которые здесь выявляются, подчиняются в целом следующим правилам: 1) если транспозиции подвергается структура, содержащая материально выраженный морфологический показатель, то сама транспозиция происходит либо в виде а) усечения всех показателей с последующим присоединением к основе материально выраженных показателей другого класса (I тип структуры, *золот-о* → *золот-ой*), либо в виде б) полного усечения показателей исходной структуры (II тип структуры); 2) если транспозиции должна подвергнуться структура, содержащая нулевой показатель, то транспозиция

происходит либо в виде а) присоединения к основному нового материально выраженного морфологического показателя (III тип структуры), либо в виде б) использования старой основы в качестве представителя новой парадигмы, т. е. как бы в виде прямого перевода основы из одного парадигматического класса в другой и лишь с последующим изменением окружения основы в не-назывных формах слова (IV тип структуры).

Таким образом, какую бы конкретную форму ни принимала безаффиксальная транспозиция, она всегда выражается в виде замен одних морфологических показателей другими. Структурный тип этих замен (M_1 на M_2 , M на $\emptyset$, $\emptyset$ на M или $\emptyset_1$ на $\emptyset_2$) зависит полностью от необходимости M или $\emptyset$ в исходной форме и необходимости M или $\emptyset$ в производной форме. Но подобная необходимость диктуется исключительно грамматическими нормами конкретного языка. Следует поэтому подчеркнуть, что наличие материально выраженных показателей в структурах исходных единиц отнюдь не препятствует проведению транспозиции. Именно поэтому она может быть равно широко представленной и в языках со сложной и разветвленной системой морфологических показателей, например, в исландском языке, и в языках с прямо противоположными свойствами, например, в английском. Правда, применительно к языкам первого типа следует говорить, по-видимому, о транспозиции основ, а применительно к языкам второго типа — о транспозиции слова, но этот вопрос требует специального рассмотрения.

Известная зависимость существует не только между структурным типом реализации безаффиксальных словообразовательных отношений и оформлением морфологических показателей у отдельных частей речи. Определенная зависимость существует также и между указанными типами и функциональной характеристикой показателя, присоединяющегося при транспозиции к основе исходного слова. Так, флексия и основообразующие элементы (в тех языках, где последние представлены) не вполне эквивалентны по своей значимости для словообразования. Строго говоря, можно было бы дифференцировать вследствие этого чистое безаффиксальное словообразование, имеющее место при полном тождестве основ мотивирующего и мотивированного слова и при отсутствии в производной основе какого бы то ни было суффиксального элемента (*золот-о* → *золот-ой*), и безаффиксальное словообразование с морфологическим основообразованием. Оно имеет место при появлении в основе производного слова нового основообразующего элемента, т. е. формообразующей морфемы, ср. *золот-о* → *золот-и-ть*. Как мы, однако, постараемся показать ниже, расширение основы этим морфологическим показателем используется именно в морфологических целях и имеет для словообразования лишь косвенное значение; основы морфологическая и деривационная не совпадают.

В целом, следовательно, разные структурные типы реализации словообразовательных отношений, связанных с транспозицией единиц, создаются вследствие обязательности ~ необязательности специальных морфологических показателей в составе производных и производящих слов, а также из-за специфики функционального статуса этих морфологических показателей. Естественно поэтому, что в таких языках, как исландский или русский, где назывные формы глагола представлены обычно структурами «основа + ненулевой показатель», образование глаголов от любой части речи сопряжено с реализацией по I или III структурным типам. Напротив, в таком языке, как английский, где назывная форма глагола не маркируется специальной морфемой, образование глаголов транспозицией реализуется по IV структурному типу. В шведском языке, где всего

несколько глаголов не содержат инфинитивного показателя, такая же картина характерна буквально для единичных случаев, ср. *sko* «ботинок» — *att sko* «обувать».

Существованием описанных зависимостей еще раз подтверждается глубокая внутренняя связь морфологии и словообразования во флективных языках и — вместе с тем — необходимость выделения такой отдельной области исследования, как деривационная морфология. Если в задачу словообразования входит установление и описание отношений словообразовательной производности и моделей производных единиц, — к задачам деривационной морфологии может быть отнесено установление и описание морфологических особенностей этих отношений и этих моделей. Областью деривационной морфологии, которая, как показывает ее наименование, принадлежит одновременно и морфологии, и словообразованию, можно признать, по всей видимости, анализ морфологических особенностей словообразования конкретного языка, анализ взаимовлияния морфологии и словообразования. Если словообразование — это прежде всего особой тип формально-семантических отношений языка, то на долю деривационной морфологии приходится изучение той важной части словообразовательных моделей, которая касается формального аспекта их организации и которая — еще уже — связана с чисто морфологическими особенностями изучаемых моделей.

Выше мы представили краткое описание того фрагмента деривационной морфологии языков флективного типа, который отражает формальные особенности безаффиксального словообразования. Мы констатировали, что словообразовательные корреляции выделенных типов можно охарактеризовать в терминах изменения морфологического окружения у производной основы. Возникает вполне закономерный вопрос: как охарактеризовать эти корреляции со словообразовательной точки зрения, т. е. как определить, что можно считать средством словообразования в описанных корреляциях?

Хотя во многих из рассмотренных случаев тождество основ мотивирующего и мотивированного слова сомнения не вызывает (ср. *раб* → *раба*), в некоторых случаях оно не представляется столь же бесспорным (ср. *старый* — *стареть*, *старишь*). Не может ли в этих последних случаях, отражающих морфологическое переоформление основ, расширение основы основообразующим элементом рассматриваться как особая разновидность словообразовательной суффиксации? Нельзя ли считать, что словообразование совмещено здесь с формообразованием и что основообразующий элемент, являясь первоначально носителем грамматической функции, берет на себя далее и выполнение деривационных функций? При всей привлекательности такого решения, правильно учитывающего в конечном итоге общую функциональную нагрузку тематических элементов и их синкретизм⁹, против него могут быть выдвинуты достаточно серьезные аргументы.

Во-первых, трудно представить себе, чтобы словообразовательный суффикс, характеризуя одну из словоформ, начисто исчезал из других и, следовательно, не проходил бы по всей парадигме своего слова. Но положение основообразующих элементов во многих языках именно таково и, будучи закономерно представленными в одних словоформах, они так-

⁹ Ср.: Е. С. Кубрякова, Именное словообразование в германских языках, «Сравнительная грамматика германских языков», 3, М., 1963; Э. А. Макаев, Е. С. Кубрякова, О морфологическом статусе основообразующих элементов в готском языке, «Фонетика, фонология, грамматика», М., 1971; Р. И. Лихтман, указ. соч.

же закономерно отсутствуют в других. В русском языке, например, выделяют отыменные глаголы с суффиксом *-Ø-/-и-ть* типа *знакомить*, т. е. прямо постулируют, что в части форм «суффикс», являясь *-Ø-*, отсутствует¹⁰. Но ведь внутри глагольной парадигмы значение основ *знаком'-*, *знакомл'-* и *знакоми-* одинаково, из чего можно сделать несомненный вывод о том, что словообразовательное значение передается здесь независимо от того, содержит основа тематический элемент или же он отсутствует. Не удивительно поэтому, что во многих производных от слов, содержащих основообразующий элемент, последний тоже может отсутствовать: слово *синька*, как свидетельствует его значение, связано с глаголом *синить*, а слово *побелка* — с глаголом *побелить*, но этот факт в структуре производных не отражен. Это тоже ярко свидетельствует о несловообразовательном (асемантическом) характере основообразующего элемента.

В исландском языке существительное жен. рода *veiði*, обозначающее улов или добычу, мотивировано глаголом *veiða* «ловить». На первый взгляд кажется, что различие между именной и глагольной основами выражено именно различием основообразующих элементов: *-a-* для глагола и *-i-* для имени. Склоняясь, имя приобретает, однако, следующие формы:

Ед. ч. и с л о	Мн. ч и с л о
<i>veiði</i>	<i>veið-ar</i>
<i>veið-ar</i>	<i>veið-a</i>
<i>veiði</i>	<i>veið-um</i>
<i>veiði</i>	<i>veið-ar</i>

Из этого ясно следует, что основы *veiði* и *veið-* передают одинаковое значение, хотя в последней основе тематический гласный отсутствует.

С другой стороны, если обратиться к спряжению исходного глагола, легко убедиться в том, что и здесь функционируют две разных основы; ср.:

Презенс мн. ч.	Претерит ед. ч.
1 л. <i>veið-um</i>	<i>veið-a-ði</i>
2 л. <i>veið-ið</i>	<i>veið-a-ðir</i>
3 л. <i>veið-a</i>	<i>veið-a-ði,</i>

из чего следует, что внутри данной парадигмы *veið-* = *veiða-*.

Казалось бы теперь, что если две величины равны порознь третьей величине, то они равны между собой, и если *veiði* = *veið-*, а *veiða* = *veið-*, то *veiði* = *veiða*. Поскольку, однако, мы точно знаем, что это неправильно и что основа *veiða-* не тождественна основе *veiði-* (первая — глагольна, вторая субстантивна), нам остается признать и что *veið₁-* в именной парадигме не равно *veið₂-* в глагольной и что вопреки их формальному тождеству они принадлежат разным словам и выражают разные значения. Но из этого следует, что отсутствие основообразующего элемента в сериях форм не препятствует их осознанию как форм разных слов. Именно поэтому можно утверждать, что распознавание семантической структуры основы происходит вопреки отсутствию в ней основообразующего элемента. Это подрывает тезис о причастности основообразующего элемента к передаче какого-либо словообразовательного значения. Если новое словообразовательное значение — название действия — передается в части форм чистой основой совершенно в той же мере, в какой оно выражается основой с основообразующим элементом и если мо-

¹⁰ Ср.: Р. В. Бахтурина, Морфологические условия образования отыменных глаголов с суффиксом *-Ø-/-и-ть*, «Развитие словообразования современного русского языка», М., 1966.

тивирующей основой является на деле не только основа типа *veid-a-*, но совокупность основ *veida- ~ veid-*, то у нас нет достаточных оснований считать основообразующий элемент носителем деривационного значения.

Доводом против словообразовательной роли основообразующих элементов является и то, во-вторых, что они проходят параллельно в сериях производных и непроизводных слов. Так, в классе *ja*-основ исландского языка наряду с производными существительными типа *veidi* или *fiski* «рыбная ловля» представлены непроизводные типа *eyri* «песчаная отмель» или *myri* «болото». Среди русских глаголов на *-еть* отчетливо выделяются непроизводные глаголы типа *владе́ть*, *тере́ть*, тема в которых должна быть признана со словообразовательной точки зрения асемантическим суффиксом¹¹. Интересно также, что глаголы на *-еть*, мотивированные прилагательным, приобретают значение «приобретать признак, указанный производящей основой», но что тем же значением становления признака обладают и глаголы, для которых в системе языка нельзя найти мотивирующей их основы¹², ср. *мле́ть*, *зре́ть*, *сне́ть*, *це-пене́ть* и пр. Все это, конечно, препятствует безоговорочному признанию темы *-е-* деривационным суффиксом.

Не может не обратить внимания, в-третьих, и тот факт, что даже в существующих корреляциях основообразующим элементам трудно приписать определенное четкое словообразовательное значение. Так, в противопоставлениях типа исл. *sigt-i* «сито» — *sigt-a* «просеивать через сито»; *seym-i* «нитка из жил» — *seym-a* «шить нитками из жил»; *sim-i* «телефон» — *sim-a* «звонить по телефону» и пр. основообразующим *-i-* маркированы непроизводные существительные, а темой *-a-* производные глаголы. В корреляциях же типа *skad-a* «вредить» — *skad-i* «вред»; *seyd-a* «отваривать» — *seyd-i* «отвар»; *skeyt-a* «сообщать» — *skeyt-i* «сообщение; телеграмма», напротив, основообразующим *-a-* маркированы непроизводные глаголы, а темой *-i-* — производные существительные. Можно предположить в силу всего этого, что сами тематические гласные и не выражают ничего, кроме принадлежности включающих их единиц к тому или иному типу склонения или спряжения. Они — классификаторы, определяющие место данного слова в парадигматике языка. Конечно, не вызывает сомнения, что с определением места слова в грамматической системе связаны и его семантические характеристики — те, которые соответствуют категориальной семантике отдельных частей речи. Тем не менее эти функции основообразования вторичны, и нельзя не согласиться с М. Докулилом, когда он указывает, что в таких чешских глаголах, как *zelenat*, *zelenět*, *zelenit* основообразующие элементы не выполняют словообразовательной роли¹³.

Итак, со словообразовательной точки зрения корреляции, построенные с участием основообразующих элементов, не отличаются принципиально от тех, которые строятся без них. Это заставляет нас предположить, что средством словообразования во всех рассмотренных случаях является какой-то единый способ. Этим способом мы считаем смену морфологических показателей. В этом смысле мы полностью согласны с А. И. Смирницким, выдвинувшим положение о том, что в качестве словообразовательного средства может выступать парадигма слова¹⁴. Мы бы только уточнили это определение, подчеркнув, что собствен-

¹¹ См.: И. С. Улуханов, Глаголы на *-еть* в современном русском языке, «Развитие словообразования современного русского языка», М., 1966, стр. 127 и сл.

¹² Там же, стр. 130.

¹³ См.: М. Dokulil, Zur Frage der Konversion..., стр. 225.

¹⁴ См.: А. И. Смирницкий, Древнеанглийский язык, М., 1955, стр. 166.

но словообразовательным приемом является здесь операция по замене одних морфологических показателей на другие, т. е. смена парадигм.

Очень важно также, что сменой парадигм нельзя получить производного *ad hoc*: словообразовательные отношения безаффиксального типа тоже моделируются, причем моделируются, как мы видели, соответственно тому, какая парадигма меняется на какую. В каждом языке складываются поэтому свои собственные модели транспозиции. Более того. Переводом из одного грамматического разряда в другой — транспозицией и сменой парадигм — достигается создание такого наименования, семантическую структуру которого можно предсказать, причем предсказать как потому, что новое наименование получает в этом акте новые желаемые общекатегориальные грамматические характеристики (процессуальность, предметность, атрибутивность и пр.), так и потому, что новое наименование может получить в ходе указанного процесса новые желаемые лексические характеристики. Если бы перевод из одной части речи в другую сопровождался бы исключительно изменением в грамматической семантике слова, модели транспозиции из одной части речи в другую были бы всегда одинаковыми. На самом деле, однако, смена парадигм бывает нередко сопряжена и с другими дополнительными семантическими сдвигами, носящими в отдельных языках индивидуальный характер. Благодаря этому на изменения в грамматической семантике слов могут наслаиваться и добавочные смысловые оттенки.

В исландском языке, например, бытует словообразовательная модель «прилагательное, обозначающее национальную принадлежность, → существительное жен. рода, обозначающее соответствующий данной национальности язык», ср. *íslenzk-ur* «исландский» → *íslenzk-a* «исландский язык», *dansk-ur* «датский» → *dansk-a* «датский язык», *rusnesk-ur* «русский» → *rusnesk-a* «русский язык». В шведском языке эта же модель строится по другому структурному типу, ср. *islandsk* → *islandsk-a*, *dansk* → *dansk-a*, *rysk* → *rysk-a*.

Во французском языке существительные, обозначающие металлы или стройматериалы, служат источником глаголов, выражающих значение «покрывать чем-либо, указанным производящей основой», ср. *cementer*, *betonner*, *chromer*, *nickeler*. В английском языке та же модель представлена в иной форме, без присоединения к глаголу морфологического показателя, ср. *to asphalt*, *bronze*, *nickel*, *plaster*, *silver*.

В немецком языке от существительных, обозначающих продукты питания, легко образуются глаголы со значением «приготавливать данный продукт», ср. *käs-en* «делать сыр» от *Käse* «сыр», *wurst-en* «выделять колбасу» от *Wurst* «колбаса», *buttern* «сбивать масло» от *Butter* «масло», *kraut-en* «готовить овощи» от *Kraut* «овощи» и т. п., в английском и французском языке этой модели нет¹⁵.

Во французском языке глаголы, образованные от прилагательных, обозначавших цвета, регулярно совмещают транзитивные и интранзитивные значения (наличие признака ~ становление признака); в русском языке эти значения четко разграничены благодаря транспонированию в разные классы глаголов, ср. франц. *blanche* → *blanchir* — русск. *белеть*, *белит*, франц. *rouge* → *rougir* — русск. *краснеть*, *краснит*, франц. *bleu* → *bleuir* — русск. *синеть*, *синит* и пр.

Распространенность разных семантических моделей транспозиции тоже не одинакова: одни из них более индивидуальные (ср. исп. *manzan-o* «ябло-

¹⁵ См.: H. Marchand, Die Ableitung desubstantivischer Verben mit Nullphem..., стр. 116.

ня» — *manzan-a* «яблоко», *per-o* «грушевое дерево» — *per-a* «груша»), другие имеют широкое хождение. Так, во многих языках встречаются десубстантивные производные глаголы со значением «использовать то, что указано производящей основой, по назначению», «применять в качестве инструмента, орудия действия», ср. исл. *skofla* «лопата» — *skofla* «сгребать лопатой», *keyri* «хлыст» — *keyra* «хлестать», *botn* «дно» — *botna* «вставлять дно»; швед. *bal* «тюк» — *bala* «упаковывать в тюки», *bil* «автомобиль» — *bila* «ездить в автомобиле», *nek* «сноп» — *neka* «вязать снопы» и т. д.

Широко распространены также модели «явление → название процесса его протекания», «действие → название результата действия», «признак → приобретение признака», «действие → тот, кто выполняет это действие» и т. д.¹⁶ Установление и описание подобных моделей в конкретных языках позволило бы существенно уточнить сведения о словообразовании этих языков и ввести в их характеристику специальные разделы о транспозиции¹⁷.

О том, что безаффиксальная транспозиция является по своим семантическим последствиям регулярным словообразовательным процессом, свидетельствуют не только типичные значения описанных моделей, которые, как можно было видеть, часто повторяют значения, выражаемые обычными аффиксальными моделями. О том же свидетельствует и синонимия производных. Примеры этого рода многочисленны, ср., например, швед. *skaka* «трясти» — *skakning*, *skak* «тряска»; *koka* «варить» — *kokning*, *kok* «варка»; *badä* «купаться» — *badning*, *bad* «купание»; *knaka* «трещать» — *knaking*, *knak* «треск» и пр.

Сходство семантических функций безаффиксальной транспозиции и аффиксации можно продемонстрировать на примере производных глаголов от прилагательных, обозначающих цвета: в значении этих глаголов нередко разграничиваются модели «д е л а т ь» таким, как указано производящей основой» и «с т а н о в и т ь с я» таким, как указано основой». В русском языке это достигается транспонированием в разные классы глаголов, в скандинавских языках — применением в одном случае транспозиции, в другом — аффиксации (суффикса *-n-*), отсюда: русск. *синий* → *синеть* → *син-и-ть*; исл. *blakk-ur* → *-blakk-n-a* → *blakk-a*; швед. *blå* → *blå-n-a* → *blå-a*; русск. *черный* → *черн-е-ть* → *черн-и-ть*; швед. *svart* → *svart-n-a* → *svart-a*; русск. *белый* → *бел-е-ть* → *бел-и-ть*; исл. *blek* → *blek-n-a* → *blek-a*.

Продолжая сравнение аффиксации и безаффиксальной транспозиции, можно было бы, конечно, утверждать, что если первая характеризуется наличием аффикса эксплицитного, вторая характеризуется имплицитно присутствующим аффиксом, и ей, следовательно, можно приписать аффикс нулевой. О возможности такой трактовки уже писали Л. Блумфилд и З. Харрис. Нам это, однако, представляется нецелесообразным — и не потому, что это ведет к необходимости признать множество омонимичных нулей, и даже не потому, что это не согласуется с правилами, действующими для признания нулевой морфемы (ср. соображения М. Докулила). Признание нулевого аффикса уводит нас в сторону от понимания сущности происходящего. Ведь если мы утверждаем, что словообразовательным средством является нуль и что его деривационные функции несомненны, то как мы можем одновременно с этим утверждать, что создание словообразовательных отношений есть результат операции по изменению морфологического окружения исходной основы? Но именно этот тезис и доказывается

¹⁶ Уже после того, как была написана настоящая статья, автор познакомился с работой И. А. М е л ь ч у к а «Конверсия как морфологическое средство» (ИАН ОЛЯ, 1973, 1), в которой приведены многочисленные примеры подобных моделей.

¹⁷ Насколько нам известно, даже для таких хорошо изученных языков, как скандинавские, описания такого рода отсутствуют. См. примеч. 8.

в настоящей работе. Приписав функцию словообразования нулю, мы не могли бы также установить и те четыре структурных типа транспозиции, которые предопределяют специфику словообразовательного акта в каждом конкретном случае.

Поскольку транспозиция представляет собой явление, возможное на разных уровнях строения языка, целесообразно различать транспозицию морфологическую, результатом которой (или проявлением которой) оказывается полное изменение морфологического окружения исходной основы, и транспозицию синтаксическую, результатом которой является изменение синтаксических функций исходной единицы без полного изменения ее морфологического окружения. В первом случае основа становится представителем нового слова, членом новой парадигмы, во втором — она продолжает сочетаться со своими старыми морфологическими показателями или меняет их лишь частично. В первом случае транспонируется существующая основа, во втором — готовое слово или его словоформа¹⁸. Примером синтаксической транспозиции может, на наш взгляд, служить субстантивация или адъективация других частей речи, типа русск. *больной*, *смелый*, *бедный*¹⁹.

Морфологическую транспозицию, имеющую словообразовательный характер, мы и называем конверсией²⁰. Если аффиксация может быть определена как процесс присоединения аффикса к производящей единице или как результат этого процесса, конверсия может быть определена как процесс морфологической транспозиции основы и, следовательно, как процесс полной смены парадигмы у исходной единицы или как результат полного изменения морфологического окружения у нее. Конверсия может — в зависимости от морфологического строя конкретного языка — принимать любую из четырех форм, описанных выше, т. е. выражаться и в виде усечения показателей (обратная деривация), и в присоединении новых морфологических показателей, и в их смене и т. д. Как в пределах одного и того же языка, так и в разных языках, для передачи одних и тех же семантических отношений может использоваться конверсия разных структурных типов, ср.: 1) исл. *sigt-i* «сито»: *sigt-a* «просеивать»: *sald* : *sald-a*, из чего следует семантическое тождество моделей, представленных I и III типом структурных корреляций; ср. далее: 2) исл. *bloss-i* «огонь», «пламя»: *bloss-a* «гореть; пылать» (I тип): *log* : *log-a* (III тип); 3) исл. *skip* «судно»: *skip-a* «грузить на судно или разгружать с судна» (III тип); англ. *ship* : *to ship* (IV тип); 4) исл. *skofl-a* «лопата»: *skofl-a* «сгребать лопатой» (I тип); нем. *Schaufel* : *schaufeln* (III тип); 5) исл. *skó-r* «ботинок»: *skó-a* «обувать» (I тип): швед. *sko* : *att sko* (IV тип); англ. *a shoe* : *to shoe* (IV тип); 6) швед. *skinn* «шкура»: *skinn-a* «сдирать шкуру» (III тип); англ. *skin* : *to skin* (IV тип); 7) исл. *blakk-ur* «темный; черный»: *blakk-a* «синить» (I тип): швед. *blå* : *blå-a* (III тип); англ. *black* : *to black* (IV тип).

Языки, оказавшиеся на разных ступенях перестройки их морфологических систем, демонстрируют поэтому разные структурно, но тождественные семантически типы деривационных связей по конверсии. Помимо

¹⁸ См.: М. D o k u l i l, Zur Frage der Konversion..., стр. 229; ср. также разграничение полной и неполной (синтаксической) конверсии у Ю. С. Степанова («Французская стилистика», М., 1965, стр. 77).

¹⁹ См., например: В. В. Л о п а т и н, Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке, «Русский язык. Грамматические исследования», М., 1967.

²⁰ Иначе говоря, морфологическая транспозиция может быть и не словообразовательной, ср. русск. *плохой* — *плохая* — *плохое*.

примеров, приведенных выше, ср. также:

<i>рыба</i> → <i>ловить рыбу</i>	
исл. <i>fisk-ur</i>	<i>fisk-a</i>
швед. <i>fisk</i>	<i>fisk-a</i>
англ. <i>fish</i>	<i>fish</i>
<i>каша</i> → <i>варить кашу</i>	
исл. <i>graut-ur</i>	<i>graut-a</i>
швед. <i>gröt</i>	<i>gröt-a</i>
нем. <i>Grütze</i>	<i>grütz-en</i>
<i>снег</i> → <i>идти (о снеге)</i>	
исл. <i>snjō-r</i>	<i>snjō-a</i>
швед. <i>snö</i>	<i>snö-a</i>
англ. <i>snow</i>	<i>snow</i>

Подбор этих примеров дает представление и о том, какой путь развития могла пройти конверсия в английском языке от стадии *luf-u* «любовь» — *luf-i-an* «любить» (I тип) до современного *to love* и *love* (IV тип структуры).

Аффиксации и безаффиксальной морфологической транспозиции, конверсии в словообразовании присущи разные роли: для аффиксации первично изменение лексического значения исходной единицы и вторично изменение ее принадлежности той или иной части речи; для конверсии, напротив, первично изменение категориальной принадлежности исходной единицы и вторично — изменение ее лексической характеристики. Как мы, однако, пытались показать выше, в ходе конверсии нередко наступает регулярное и моделируемое преобразование исходной единицы и в лексическом плане. Можно полагать вследствие этого, что транспозиции следует уделить гораздо большее внимание в теории номинации, чем это до сих пор делалось. Не вызывает сомнения, что транспозиция занимает весьма значительное место в словообразовании языков флективного типа и в известной мере восполняет те пробелы, которые по тем или иным причинам невозможны с помощью моделей производных аффиксального типа. Отношения по конверсии могут складываться между морфологическими структурами любой сложности, и в зависимости от конкретного характера этих структур они принимают одну (или несколько) из четырех форм, выделенных выше. Отсюда — внешнее разнообразие форм конверсии. Различным может быть место каждой из этих форм в словообразовательных системах конкретных языков. Различным может оказаться и характер связей, складывающихся благодаря конверсии между отдельными частями речи. Различными, наконец, могут быть и семантические модели конверсии. Одинаковым в то же время остается сам принцип осуществления межкатегориальных связей, транспозиция. Одинаковым остается и средство транспозиции, определяющее сущность безаффиксального словообразования: полная смена парадигмы у мотивированного слова по сравнению с мотивирующим, конверсия. Различны сменяющие друг друга парадигмы. Различны типы морфологических показателей, участвующих в сменяющих друг друга парадигмах. Различна степень омонимии у словоформ мотивированного слова по сравнению с словоформами слова мотивирующего. Одинаковыми остаются четыре структурных типа возникающих словообразовательных корреляций. Именно это позволяет увидеть общее в процессах, которые до сих пор рассматривались обособленно, в непонятном отрыве друг от друга: в несобственной или обратной деривации и конверсии, в безаффиксальном словообразовании и словообразовании, совмещенном с формообразованием и т. д. Именно это позволяет установить еще один вид строгой зависимости между словообразованием и морфологией, еще одно проявление их глубокой внутренней связи. Именно это разрешает увидеть одну из ярких отличительных черт деривационной морфологии языков флективного типа.